

— Это и есть тот план, что ты придумал?

В это время солнце уже наполовину скрылось за горизонтом, а зажигать лампы никто не спешил, поэтому в комнате царил полумрак. Мужчина сидел за столом, его черты лица тонули в густой тени. Перед ним стоял золотистый, едва различимый силуэт, чьи очертания казались размытыми. Фигура поспешно склонилась в извинении:

— Ваше Превосходительство, прошу, утишите гнев. Этот малый бессмертный никак не мог предположить, что Цяо Пэй окажется настолько бесстыдным. Мало того, что он занял чужое место, так еще и...

Это была лишь частица божественной души Сымина.

Цзинь Яо поднял руку, приказывая Сымину замолчать. Тот мгновенно умолк. Цзинь Яо перебирал в пальцах амулет мира, взгляд его был холоден. Он изначально не рассчитывал, что, явившись в этом обличье, заставит Цяо Пэя добровольно уступить маленького глупыша. Впрочем, согласившись на план Сымина, он преследовал совсем иные цели.

На следующий день Цяо Пэй, как и обещал, повел Чао Цы из дворца.

Столица империи Е на самом деле была бывшим главным городом Шанхуачжоу. Когда Цяо Пэй захватил его, он не стал причинять вреда мирным жителям, поэтому город сохранился в целости, а дворец Цяо Пэй просто приспособил под свои нужды. Что же касается главного города Цзиньюньчжоу, то во время последнего падения его разграбили и сожгли, почти ничего не оставив.

Поскольку это была столица, даже после недавних войн она не казалась безжизненной. Цяо Пэй и Чао Цы отправились на оживленный Восточный рынок. Чао Цы купил кучу всякой всячины, а заметив лоток с мячами для цуцзюй, не удержался и купил один, заявив, что хочет взять его во дворец.

Цяо Пэй, великий император-основатель, шел рядом с Чао Цы, прижимая к груди мяч и держа в руках гору безделушек.

— Ну ты и ребенок, — с досадой произнес Цяо Пэй.

— А что плохого в том, чтобы быть ребенком? — Чао Цы широко распахнул свои круглые персиковые глаза и вопросительно посмотрел на него.

Вдруг он что-то вспомнил:

— Точно! Нужно еще купить лепешки с маринованными овощами в лавке Су. Они невероятно вкусные, я уже несколько дней о них мечтаю!

— Почему ты не попросил кого-нибудь сходить за ними? — поинтересовался Цяо Пэй.

— Если кто-то купит и принесет во дворец, они остынут и станут невкусными. Хватит болтать, пошли за лепешками! — Чао Цы развернулся и поманил его рукой.

Цяо Пэй последовал за ним, усмехаясь:

— Ты так быстро идешь, даже не смотришь, что у меня в руках целая куча вещей.

— Мы же договорились, каждый несет поровну. Лепешки я понесу сам, — Чао Цы похлопал себя по груди.

— ...Удивительно, как ты только такое придумываешь, — Цяо Пэй не нашел, что ответить.

Вернувшись от Су, Чао Цы держал в руках несколько больших лепешек и грыз их на ходу.

— Куда теперь? — спросил Цяо Пэй.

— В театр! Говорят, приехала очень известная труппа! — восторженно воскликнул Чао Цы.

— Если тебе так нравится, почему бы мне не пригласить их во дворец? Тогда сможешь смотреть выступления когда угодно, — предложил Цяо Пэй.

— Ой, какой же ты пошлый, — пренебрежительно бросил Чао Цы.

Цяо Пэй: «?»

— Труппу нужно смотреть в толпе, так интереснее. Сидеть вдвоем в пустом зале и смотреть, как они там что-то поют — какая в этом радость?

— Господин Чао весьма проницателен! — Цяо Пэй подыграл ему.

— Еще бы! В еде, питье и развлечениях мне нет равных! — юноша гордо выпятил грудь.

— Ох, какой ты способный.

— На самом деле, слушать оперу не так уж интересно, весь смысл в атмосфере. Тебе стоит побольше проводить народных конкурсов красоты, вот это — настоящее зрелище! — заметил Чао Цы.

Цяо Пэй, который до этого с удовольствием перебрасывался шутками, моментально помрачнел. Он с трудом освободил одну руку, ущипнул юношу за пухлую щеку и отрезал:

— Даже не думай об этом. В империи Е все публичные дома и увеселительные заведения будут закрыты!

— Ну почему так! — юноша надул щеки.

Они как раз зашли в довольно уединенный переулок, когда рядом с ними внезапно появился Теневой страж. Хотя казалось, что они гуляют вдвоем, в тени скрывались не менее сотни стражей. Иначе Цяо Пэй ни за что не рискнул бы вывести Чао Цы из дворца.

Увидев стража, Цяо Пэй сказал Чао Цы:

— Подожди здесь минутку.

Он сделал шаг вперед, и страж, приблизившись, что-то зашептал ему на ухо.

Чао Цы ждал, как вдруг почувствовал, что перед глазами потемнело, словно его затянуло в какой-то странный закоулок. Не успев понять, где он находится, юноша поднял голову и увидел перед собой высокого мужчину в белых одеждах с черными волосами.

Он испугался. Мужчина смотрел на него с таким выражением лица, что становилось не по себе.

Цзинь Яо впервые понял, что такое ревность и невыносимая боль в сердце. В мире смертных ничто не могло укрыться от Сымина, поэтому он взял его с собой. Сымин сказал, что сегодня Цяо Пэй выведет Чао Цы из дворца, и Цзинь Яо следовал за ними по пятам, выжидая удобного момента, чтобы остаться с юношей наедине.

Но он не ожидал увидеть подобное.

Он знал, что этот маленький глупыш всегда был избалованным и наивным: когда он был рядом с ним, то постоянно щебетал, не умолкая, и вечно пытался придумать что-то, чтобы его порадовать. Раньше Цзинь Яо не придавал этому значения, был холоден к юноше и лишь изредка достаивал его вниманием. Но даже за эти скупые отклики юноша цеплялся, как за величайшую награду: уголки его губ подергивались в улыбке, а в глазах сияло счастье.

Раньше он не считал это чем-то особенным. Но теперь, когда увидел, как эта нежность и наивность дарятся другому, он понял, каково это — когда у тебя вырывают сердце.

Он видел, как этот смертный смеялся и подшучивал над ним, как они были близки. Цяо Пэй

щипал юношу за щеки, а тот не сердился, лишь продолжал весело болтать. Их близость была настолько очевидной, что никто бы не усомнился в их отношениях.

Глаза Цзинь Яо, прежде черные, сменились золотом, а в конце в них проступила кровавая пелена.

Кем возомнил себя этот Цяо Пэй? Всего лишь шут, занявший чужое гнездо, пока его не было. Да разве он достоин этого?

— Ты кто такой?

Голос Чао Цы прервал его раздумья. Цзинь Яо опустил взгляд на своего маленького глупыша. Впервые юноша смотрел на него с таким чужим выражением. Даже при первой встрече юноша влюбился в него с первого взгляда и с тех пор всегда следовал за ним с горящими от любви глазами. Но сейчас в них были лишь настороженность и отчуждение.

— Это ты притащил меня сюда? — осторожно и подозрительно спросил Чао Цы. — Я ведь только что был со своим спутником... как ты смог так внезапно меня утащить?

Где он?

Цзинь Яо проигнорировал вопрос и прямо ответил:

— Я — Цзинь Яо.

Чао Цы слегка округлил глаза. Цзинь Яо... такое знакомое имя. Но на сердце нахлынуло не радостное предчувствие, а нечто крайне сложное — смесь печали и ненависти. Юноша поспешно отогнал эти мысли: чувство возникло слишком внезапно, не может же этот человек быть его врагом? Да и ощущения совсем не похожи на вражду... как странно.

— Кажется, я слышал это имя, но не могу вспомнить, — сказал Чао Цы. — Мы встречались раньше?

— Ты — мой муж, а я — твой, — голос Цзинь Яо оставался спокойным, несмотря на изумление в глазах юноши. — Мы поженились три года назад.

— ?!!

Чао Цы опешил.

— Невозможно, я тебя совсем не помню! — воскликнул он.

Конечно, ты не помнишь, ведь я стер твою память.

Сердце Цзинь Яо болезненно сжалось, но лицо оставалось невозмутимым:

— Полгода назад из-за несчастного случая ты потерял память, и нас разлучили. Мы действительно состояли в браке, и вот — это ты подарил мне, когда мы поженились.

Цзинь Яо достал нефритовую подвеску. Чао Цы широко раскрыл глаза:

— Откуда... откуда она у тебя?!

Это была подвеска, которую оставила ему мать — одна на двоих с братом. До десяти лет ее хранил брат, а потом отдал ему, сказав, что нужно подарить ее той, кого он полюбит. Позже, перед свадьбой, Чао Цы отдал эту подвеску Цзинь Яо. Когда Цзиньюньчжоу пал, Цзинь Яо не забрал ее. Сейчас она оказалась у него только потому, что, спустившись в мир смертных, он отправился на пепелище поместья клана Чао и отыскал ее. К счастью, ее никто не украл.

Чао Цы смотрел на подвеску, и сомнения терзали его все сильнее. Он так дорожил ею, но, кажется, именно три года назад она бесследно исчезла из его памяти. В глубине души теплилось смутное воспоминание, что он кому-то ее отдал. А потом, вероятно, потерял, когда город пал.

— Ты, должно быть, подобрал ее и теперь пытаешься меня обмануть? — Чао Цы приподнял бровь, всем своим видом показывая, что с ним шутки плохи.

— Нет, — ответил Цзинь Яо. — Я знаю, что ты тайно выращивал Призрачную орхидею.

— Ты даже об этом знаешь?! — Чао Цы был поражен.

Он действительно тайно растил орхидею, но она была такой капризной и требовала столько затрат, что он боялся признаться отцу, чтобы тот не счел его транжирой.

— Ты выращивал ее, чтобы подарить мне, — продолжал Цзинь Яо. — Под кроватью у тебя был тайник, где ты хранил накопленные деньги. Когда твой брат ушел на войну, отец рассказал тебе о положении дел, и ты, испугавшись, начал откладывать деньги на черный день.

— ? Черт возьми...

— Я знаю об этом, потому что тогда ты сказал мне не бояться: даже если случится беда, ты сможешь меня прокормить, — Цзинь Яо не удержался и слегка улыбнулся, его прежде холодное лицо озарилось теплом.

— Я такое говорил? — Чао Цы был в смятении. — Помню только, что прятал деньги, а потом их забрали горные разбойники.

Выслушав мужчину, он вдруг понял, что с его памятью действительно что-то не так.

Казалось, из нее вырван кусок. Он был уверен, что потерял подвеску при падении города, но за год до этого не мог вспомнить, где она находилась — а ведь она была для него так важна! Он помнил, что выращивал орхидею, но зачем? Он никогда не любил подобные изыски. Смутно припоминал, что хотел кому-то ее подарить... но кому? Он не мог вспомнить.

Будто из его памяти исчез человек, из-за чего все воспоминания рассыпались. Но почему он раньше не замечал этого? Он будто никогда не думал об орхидее и подвеске — хотя так ими дорожил. Если бы этот человек не напомнил, он, возможно, никогда бы не вспомнил.

Как странно.

Стоп, кажется, имя Цзинь Яо всплыло в памяти. Когда Цяо Пэй привез его сюда, брат спрашивал, куда делся Цзинь Яо. Он тогда опешил: он совершенно не знал человека с таким именем, почему брат о нем спрашивает? Брат тогда посмотрел на него странно и спросил: Ты не помнишь Цзинь Яо?

Да. — ответил он тогда с уверенностью.

Он подумал, что брат ошибся, и, поскольку имя было ему чужим, сразу выбросил его из головы. Прошли месяцы, и если бы он сейчас не напрягал память, то никогда бы его не вспомнил.

Сложив все вместе, он решил, что слова Цзинь Яо могут быть правдой. Наверняка они были близки, возможно, бежали вместе, иначе брат не спрашивал бы его об этом. А вот были ли они женаты — тут утверждать нельзя.

К тому же, глядя на Цзинь Яо, он чувствовал, что что-то не так, на сердце становилось тяжело.

— В твоих словах есть смысл, возможно, мы и были знакомы. Но ты говоришь, что мы были женаты, а я, глядя на тебя, не чувствую радости, — честно признался Чао Цы.

Цзинь Яо сжал пальцы, чувствуя, как они леденеют. Слова юноши вернули его в тот день полгода назад, когда он ушел. Он запер юношу и заставил Сымина стереть его память. Он помнил, как юноша рыдал, умоляя остановиться, как указывал на него красными от слез глазами, обвиняя в том, что он посмел коснуться его памяти. Он помнил последние слова, которые сказал ему Чао Цы: Я ненавижу тебя.

Чао Цы сказал, что ненавидит его.

Правая рука невольно сжалась в кулак, на тыльной стороне ладони вздулись вены. Чао Цы взглянул на него и невольно отступил на шаг. Этот человек был таким красивым, холодным и отстраненным, почему же он вдруг стал таким пугающим?

Неужели он и правда враг? Решил убить его прямо здесь?

Чао Цы испугался собственных мыслей и поспешно сказал:

— Отпусти меня, меня ждут!

— Ты о Цяо Пэе? — голос мужчины был подобен холодному источнику, в его глубине скрывался лед.

— Д-да, — Чао Цы кивнул, чувствуя тревогу. Этот тип посмел назвать Цяо Пэя по имени, он явно не так прост. Он хотел отступить, но уперся спиной в стену — бежать было некуда.

— Слышал, вы уже признались друг другу в чувствах?

Мужчина медленно подошел к нему и прижал к стене, глядя сверху вниз. Взгляд его был ледяным. Чао Цы невольно покраснел до кончиков ушей:

— Ну и что с того?

Хотя ситуация была странной, упоминание об этом все еще смущало его. К его удивлению, у мужчины покраснели глаза. Чао Цы мгновенно замолчал, испугавшись.

Цзинь Яо смотрел на лицо юноши, обводя взглядом его черты, и в груди нестерпимо кололо. Даже если Сымин сказал ему, что Чао Цы и этот Цяо Пэй вместе, он не хотел верить, пока не увидит своими глазами. Маленький глупыш так сильно любил его, как он мог измениться всего за полгода?

Но теперь юноша не только открыто признал это, но и покраснел. Раньше он был таким же застенчивым: стоило ему немного приласкаться, как юноша краснел на полдня... но теперь он краснеет из-за другого. Он ничуть не изменился, но теперь принадлежит другому.

— Тот Цяо Пэй знал, что ты был моим мужем, но все равно соблазнил тебя. И такого человека — ты тоже любишь?

— У тебя нет доказательств, что мы были женаты, почему ты клеветешь на Цяо Пэя? — разозлился Чао Цы.

Хотя он не испытывал к Цяо Пэю пылкой страсти, в основном благодарность и восхищение, но Чао Цы не был ветреным человеком. Цяо Пэй был так добр к нему, как он мог позволить этому человеку просто так поливать его грязью?

— Цяо Пэй приходил на нашу свадьбу, как он мог не знать? — Цзинь Яо усмехнулся. — Я пришел за тобой, а он, чувствуя вину, запер меня в поместье клана Чао. Нужен ли мне повод, чтобы клеветать на такого, как он?

Чао Цы поджал губы, теряя терпение. Хотя он, возможно, и забыл этого человека, сейчас тот был для него полным незнакомцем, который с порога начал обливать Цяо Пэя грязью. Нужно быть глупцом, чтобы в это поверить.

— Сначала найди доказательства, а потом говори! А теперь я ухожу! — Чао Цы с силой оттолкнул мужчину и, не оглядываясь, направился прочь.

Цзинь Яо позволил ему себя оттолкнуть, глядя, как его спина исчезает в установленном им же барьере.

...

Когда Чао Цы вышел, он обнаружил, что это место действительно было обычным переулком. Он дошел до поворота, где недавно ждал Цяо Пэя. Он огляделся, пытаясь найти Цяо Пэя, и вскоре тот появился сам. Его волосы были растрепаны, выглядел он очень встревоженным.

Цяо Пэй разговаривал со стражем, а когда обернулся, юноши уже не было. Стражи, стоявшие в тени, лишь видели, как фигура юноши на мгновение дернулась и исчезла. Цяо Пэй чуть не лишился рассудка от страха, он приказал обыскать всю округу, и сам бросился на поиски. Как человек, стоявший прямо за его спиной на глазах у сотни стражей, мог так внезапно исчезнуть!

Цяо Пэй уже собирался вызвать людей из Управления императорского города для прочесывания столицы, когда один из стражей сообщил, что юноша появился на том же самом месте, где исчез.

Увидев невредимого Чао Цы, Цяо Пэй с облегчением выдохнул:

— Где ты был? Я повсюду тебя искал!

Юноша указал на переулок рядом и удивленно произнес:

— Я был в этом переулке, неужели ты не заглянул внутрь?

Цяо Пэй обернулся и посмотрел на вход в переулок, его зрачки сузились. Юноша исчез у всех на глазах, и он был уверен, что тот не мог уйти далеко. Он приказал перевернуть все вверх дном, и этот переулок обыскивали несколько раз, но там не было ни души. А теперь Чао Цы говорит, что был там?

— Ты уверен? — Цяо Пэй пристально посмотрел на него.

— Конечно! — Чао Цы удивился его реакции. — Я сам вышел оттуда, как я могу быть не уверен?

Цяо Пэй поджал губы, помолчал, а потом спросил:

— Тогда почему ты внезапно исчез? Что ты там делал?

— Сам не пойму, — Чао Цы надул щеки. — Там был какой-то странный человек. Он утверждал, что мы были женаты, и все время клеветал на тебя. Я разозлился и ушел.

Услышав о том, что человек называл себя мужем Чао Цы, Цяо Пэй замер. Но он быстро подавил эту странную эмоцию, так что обычный человек ничего бы не заметил. Однако Чао Цы был не обычным человеком: он знал Цяо Пэя почти двадцать лет и понимал его лучше всех. К тому же, после слов того мужчины его терзали сомнения, и сейчас, хотя внешне он казался спокойным, на самом деле внимательно наблюдал за выражением лица Цяо Пэя.

<http://bllate.org/book/22189/2312426>